

Изъ журнала участника войны 1812 года ¹⁾.

(Окончаніе).

лишно было, что 31-го августа наши войска были лишь въ одномъ переходѣ отъ Москвы, а 1-го сентября на совѣтѣ въ деревнѣ Филяхъ рѣшили, за неизмѣнимъ хорошей позиціи, покинуть Москву и отступить по Рязанской дорогѣ.

Я остановился въ домѣ дьячка, недалеко отъ заставы, гдѣ квартировалъ и надзиратель, человекъ семейный и большой хлѣбосоль.

На случай опасности я обѣщаль дать ему своего коня, для перевозки семейства и пожитковъ въ болѣе безопасную часть города. Тогда же встрѣтилъ меня одной со мною бригады подпоручикъ Пастуховъ, возвращавшійся послѣ выздоровленія изъ г. Острова къ своей части.

Поужинавъ, мы легли спать. Въ полночь дьячокъ будить насъ, говоря, что наша армія проходитъ черезъ заставу въ Москву. Когда утромъ я проснулся, то Пастухова уже не было. Выбѣжавъ къ заставѣ, я увидѣлъ, что въ городъ вступаетъ бывшая въ арріергардѣ рота полковника Гулевича, а съ ними движутся тяжести и вьюки.

„Посмотрите—сказаль онъ—вонъ пыль... Это спѣшитъ французскій авангардъ“. Къ Москвѣ подходили: принцъ Евгений, Понятовскій, впереди приближался Мюратъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1912 г.

Бросившись въ свою квартиру, я схватилъ сѣдло, чтобы осѣдлатъ лошадь и скорѣе покинуть городъ, но лошади своей я не нашель.

Послышался трубный звукъ... вижу въѣзжающихъ въ городъ французовъ...

Оставивъ все подаренное мнѣ москвичами, я выбѣжалъ на улицу и наткнулся на своего солдата, Вострилова, ѣхавшаго верхомъ, при томъ съ большими тучками. Сѣвъ на его мѣсто, мы поспѣшили къ дому графа Разумовскаго, откуда Востриловъ отданъ былъ въ рекруты. Онъ уговорилъ меня дать лошади отдохнуть и самимъ закусить. Тутъ я снова встрѣтилъ подпоручика Пастухова, и мы втроемъ зашли въ домъ графа; здѣсь, казалось, и не думали о вступленіи въ Москву непріятеля. Это сдѣлали реляціи главнокомандующаго городомъ, графа Ростопчина, которыми онъ увѣрилъ населеніе въ полной безопасности.

Поварь графа приготовилъ намъ завтракъ, принесли вина, музыканты разложили ноты и начали играть. Люди графа Разумовскаго очень удивились, услышавъ отъ насъ, что французы скоро уже будутъ здѣсь, и что я только-что проскользнулъ мимо нихъ. Вся прислуга начала умолять, чтобы я взялъ ихъ съ собою. Но какъ можно было исполнить просьбу этихъ людей, въ количествѣ болѣе 60-ти человекъ, разнаго возраста и пола?.. Казалось, Москву бросили, успѣвъ лишь открыть народу арсеналь съ оружіемъ и выпустить бочки съ виномъ; вмѣсто обычныхъ „афишъ“ увидѣли, какъ комендантъ города, графъ Ростопчинъ, поспѣшилъ спастись изъ первопрестольной... приказавъ передъ тѣмъ зарубить на глазахъ волновавшейся толпы Верещагина, какъ измѣнника, отъ котораго гибла Москва.

Къ пяти часамъ мы были въ своей ротѣ. Офицеры и солдаты очень удивились, увидѣвъ меня, они полагали, что я навѣрное уже въ плѣну.

Но я не менѣе удивлялся при видѣ такого множества отягощенныхъ винными парами... Войска, будучи разстроены и проходя черезъ богатый городъ, не избѣжали искушенія и тѣмъ болѣе, что виноторговцы отдавали цѣлые ящики съ винами, наваливали ихъ на обозы; то же дѣлали и прочіе купцы, лишь бы добро не досталось непріятелю.

Опытный Кутузовъ могъ это предвидѣть.

Онъ сдалъ Москву на капитуляцію съ условіемъ, чтобы въ теченіе 24-хъ часовъ вывезти раненыхъ, присутственныя мѣста, и чтобы ни съ одной стороны не было выстрѣла. Командовавшій арріергардомъ Милорадовичъ условился съ Миратомъ, чтобы тотъ

не преслѣдовалъ насъ по пятамъ, угрожая иначе поджечь Москву (но Москва все-таки скоро загорѣлась)... Французы охотно на это согласились, и тѣмъ болѣе, что сами имѣли громадную потерю и нуждались въ отдыхѣ и времени. Мы же избѣжали такимъ образомъ совершенной гибели.

Догадайся Наполеонъ въ это время послать свою кавалерію, то нашъ арріергардъ былъ бы весь уничтоженъ. Императоръ французъ тогда напрасно ожидалъ за Дорогомиловской заставой депутаціи отъ города.

Кутузовъ же, пройдя Москву, повернулъ на Калужскую дорогу, оставивъ въ сторонѣ Рязанскую, и защитилъ такимъ образомъ наши хлѣбородныя губерніи, не пострадавшія отъ непріятеля.

Къ утру мы были у деревни Тарутиной, гдѣ расположились лагеремъ; занявъ здѣсь хорошую позицію и укрѣпивъ ее, стали ожидать къ себѣ непріятеля.

Послѣ битвы подъ этой деревней стало ясно, что планъ Наполеона не удался и слѣдовало спѣшить во-свояси, пока еще оставались жалкіе остатки его непобѣдимой арміи.

Здѣсь французы потеряли до 4 тыс. убитыми и ранеными, до 40 орудій и весь обозъ.

Армія наша между тѣмъ стала усиливаться; наши партизаны, казаки, даже крестьяне, всюду били и ловили непріятельскихъ фуражировъ. Французская армія терпѣла во всемъ недостатокъ, и Наполеонъ долженъ былъ посылать на фуражировку не иначе какъ большіе отряды, съ орудіями. Число мародеровъ отъ этого не уменьшилось у непріятеля; ихъ брали въ плѣнъ, убивали, крестьяне даже зарывали пойманныхъ въ землю, иногда жгли и душили. Таково было ожесточеніе, особенно чернаго народа. Населеніе равнодушно смотрѣло на страданія себѣ подобныхъ, ибо видѣло въ непріятелѣ врага отечества и врага вѣры. Оно слыхало, что французы не щадили въ Москвѣ храмовъ Божіихъ, неистовствовали въ нихъ, почему мстило имъ какъ открыто, такъ и хитростью, заманивая къ себѣ въ околицу и лишая жизни. Война сдѣлалась народной. Врядъ ли кто изъ оставшихся въ живыхъ французовъ не содрогнется при своихъ воспоминаніяхъ и не перескажетъ соотечественникамъ всѣхъ пережитыхъ ужасовъ.

Между тѣмъ морозы увеличивались, почему жители южныхъ странъ страшно терпѣли отъ холода.

Кромѣ гвардіи, занявшей Кремль, французы расположились въ окрестностяхъ Москвы; въ городѣ же были еще и союзныя войска.

Удачное для насъ дѣло подъ деревней Тарутиной побудило Наполеона къ отступленію изъ Москвы, и непріятельскія войска на-

чали выходить по направленію къ Смоленску, но не по старой опустошенной дорогѣ, а въ обходъ Кутузова.

Французскія войска, бывшія въ Москвѣ, предусмотрительно набрали себѣ шубъ, салоповъ, теплыхъ шапокъ. Армія эта очевидно разлагалась и представляла странный видъ: иные сидѣли на крестьянскихъ лошадяхъ въ латахъ и бобровыхъ шапкахъ, съ обернутыми овчиною ногами; иные шли въ нагольныхъ тулупахъ и въ лаптяхъ, иной шествовалъ въ священнической ризѣ и гренадерской шапкѣ, тамъ какой-либо французъ ѣхалъ на испанской лошади, едва передвигая ноги, и въ гарнитуровой шубѣ или епанечкѣ.

Покинувшія Москву французскія войска и ихъ обозы преслѣдовались нашими казаками неотступно; ихъ назойливость была страшно тяжела и наносила большія потери какъ въ людяхъ, такъ и въ матеріальной части. На Можайской дорогѣ ими уничтоженъ былъ обозъ въ 350 фуръ, а послѣ Вяземскаго сраженія маршалъ Ней имѣлъ столкновенія только съ казаками. Они приводили въ панической страхъ французовъ и забирали лишь то, что казалось лучше. Много освобождено было ими своихъ соотечественниковъ. Партизанъ Платовъ уничтожилъ цѣлый отрядъ принца Евгенія, забравъ больше 60-ти орудій.

Удалившись однажды на фуражировку за 40 верстъ отъ лагеря, я едва не попался въ руки французскихъ бродягъ. Собравъ нѣсколько возовъ сѣна и овса, я проходилъ шагомъ черезъ большую деревню, направляясь къ своей ротѣ. Было уже часовъ одиннадцать вечера, когда я слѣзъ со своей лошади и перешелъ отдохнуть на возу съ сѣномъ; проѣзжая мимо одной избы, увидѣлъ въ ней огонекъ, чему очень обрадовался, т. к. могъ закурить тамъ свою трубку.

Подѣхавъ туда, я замѣтилъ въ избѣ старуху, которая сначала страшно перепугалась, но затѣмъ, отворивъ окно, стала говорить, что въ деревню недавно приѣхало много французовъ и чтобы я былъ осторожниѣ; получивъ огня для трубки и поблагодаривъ за все старуху, я приказалъ своему унтеръ-фурмейстру какъ можно скорѣй гнать лошадей.

Но это было напрасно, такъ какъ шаговъ черезъ пятьдесятъ насъ остановили поселяне, вооруженные чѣмъ попало; съ ними было нѣсколько казаковъ. Люди эти приняли насъ за непріятельскихъ фуражировъ и готовились встрѣтить по-своему. Вскорѣ, однако, дѣло выяснилось, и я благополучно направился дальше. Подѣхавъ къ нашей цѣпи, былъ я остановленъ караульнымъ офицеромъ, т. к. не зналъ ни пароля, ни лозунга; хотя я и объяснилъ ему, что былъ въ отлучкѣ почти двое сутокъ и узнать пропуска мнѣ негдѣ было. Видя необходимость пропустить меня, онъ далъ

для предосторожности въ провожатые унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ.

Ночь была темная, мы только ощупью нашли свою дивизию, т. к. огни вездѣ были потушены и, какъ оказалось, по случаю приѣзда къ главнокомандующему для переговоровъ о мирѣ французскаго генерала Лористона, посланнаго Наполеономъ. вмѣсто мира, какъ оказалось потомъ, французамъ пришлось познакомиться съ нашими партизанами.

Въ теченіе трехнедѣльной нашей стоянки, было лишь одно авангардное дѣло, въ которомъ Милорадовичъ особенно показалъ свое военное искусство.

Старикъ Кутузовъ поджидалъ благопріятнаго времени и приказалъ Беннигсену въ одну темную и холодную ночь нечаянно напасть на корпусъ вице-короля итальянскаго. О такомъ намѣреніи мы ничего не зная, весело разговаривали за чаемъ, какъ вдругъ получаемъ приказаніе возможно скорѣе, безъ малѣйшаго шума, идти на соединеніе съ корпусомъ Багговута. Тишина была безпримѣрная, изрѣдка только побрякивали оковки на орудіяхъ или зарядныхъ ящикахъ; не слышно было даже шопота. Когда мы были въ половинѣ пути, получили распоряженіе остановиться и разложить на обоихъ флангахъ возможно больше огней; когда это было исполнено, ударили зорю, чѣмъ окончательно убѣдили французовъ, что предстоящую ночь мы намѣрены провести спокойно. Графъ Орловъ-Денисовъ съ нѣсколькими полками обскакалъ неприятельскій лагерь и вдругъ ударилъ, вмѣстѣ съ Багговутомъ, на спящихъ французовъ; артиллерія открыла сильный огонь.

Полусонные, полуодѣтые, бросились французы къ оружію, но было уже поздно...

Безпорядокъ и замѣшательство были такъ велики, что едва не былъ захваченъ въ плѣнъ самъ король, который спасся, бросивъ все, свою палатку, со всѣмъ, что въ ней было.

Нашему бригадному командиру досталась его соболя шуба; всѣ бумаги, деньги и гардеробъ попали въ руки нашихъ гренадеровъ. Военная добыча состояла изъ 21-го орудія, множества ружей, багажа и до 2-хъ тысячъ плѣнныхъ.

Къ сожалѣнію, въ семь дѣлъ мы потеряли мужественнаго генерала Багговута.

Такъ какъ русскіе не заключали мира, то французы выступили изъ Москвы, направившись по старой Калужской дорогѣ. Они потащили съ собою награбленную добычу и не могли скоро двигаться. По переходѣ ихъ на новую Калужскую дорогу, нашъ партизанъ Фигнеръ открываетъ это и сообщаетъ Кутузову, который поэтому

двинулся также къ Калугѣ. Французскій авангардъ занялъ Мало-ярославецъ.

Одиннадцатаго октября мы оставили Тарутино, двѣнадцатаго числа, послѣ труднаго и скорого перехода пришли къ Мало-ярославцу.

Наша 1-я гренадерская дивизія поставлена была за стрѣлками 6-го корпуса, который весь участвовалъ въ дѣлахъ.

Недостатокъ мѣста не позволялъ развернуть колонны, и пришлось довольствоваться тѣмъ, что мы непрерывно подкрѣпляли свой корпусъ свѣжими силами.

Восемь разъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, но въ одиннадцатомъ часу вечера, усиливъ артиллерійскій огонь,—его зажгли, послѣ чего дали пѣхотѣ свободный проходъ, которая и выгнала наконецъ непріятеля, забравъ затѣмъ много плѣнныхъ. Намъ досталось также много съѣстныхъ и военныхъ запасовъ. Городъ оказался страшно разрушеннымъ; на улицахъ лежало множество убитыхъ и раненыхъ.

Кавалерія преслѣдовала непріятеля и отбила нѣсколько знаменъ и пушекъ.

Главнoкомандующій сидѣлъ возлѣ моихъ орудій, отдавая приказанія. Беннигсенъ, подойдя къ князю Кутузову, предложилъ послать въ погоню еще два полка конницы. Главнoкомандующій, замѣтя Елисаветградскій гусарскій полкъ, велѣлъ ему немедленно преслѣдовать непріятеля, но Беннигсенъ доложилъ, что полкъ этотъ почти всю кампанію находился въ арріергардѣ и потому имѣетъ большія потери; посланы были другіе полки.

14 октября французы начали отступленіе на Можайскъ, откуда шли уже старымъ своимъ опустошеннымъ путемъ; положеніе непріятельской арміи стало очень труднымъ, а все награбленное въ Москвѣ страшно затрудняло движеніе и усиливало безпорядокъ.

Наши войска преслѣдовали французовъ неотступно. Милорадовичъ шелъ сбоку, Платовъ съ тыла, партизанскіе отряды насккивали всюду. Въ концѣ октября начались морозы, причинявшіе противнику потери, какъ въ людяхъ, такъ и въ лошадяхъ.

Послѣ этого сраженія армія наша форсированнымъ маршемъ пошла къ Красному, а дивизія, гдѣ я находился, стала въ авангардъ.

Французы не ожидали насъ, они начали уже устраиваться на зимнія квартиры.

5-го ноября въ 7 час. утра, нашъ авангардъ, состоявшій изъ 1-й гренадерской дивизіи и имѣвшій между баталіонами по два орудія, встрѣтилъ французовъ недалеко отъ моста, ведущаго къ

Красному; нашей бригадѣ приказано было стать противъ моста и всѣ выстрѣлы сосредоточить по непріятелю.

Трудно представить себѣ, какое смятеніе и разстройство причинили наши 36 орудій...

Императоръ французовъ принялъ тогда на себя личное командованіе; подъ нимъ убита была лошадь, переранило большинство его адъютантовъ... въ такомъ положеніи онъ долженъ былъ искать спасенія.

Казачи и уланы такъ привѣтливо встрѣтили французовъ, что нашимъ орудіямъ едва возможно было пробраться черезъ мостъ. Ужасъ царилъ кругомъ: тутъ трупы убитыхъ и раненыхъ, тамъ подбитыя орудія, взорванные ящики... все лежало кучами и надо было посылать впередъ ратниковъ, чтобы очистить дорогу.

Въ городѣ гренандеры наши находили непріятельскіе шалаши, прикрытые церковными иконами; они бросались изъ рядовъ и уносили ихъ обратно по церквамъ, набожно крестясь и негодуя.

Изъ этого непріятельскаго отряда взято около 6 тысячъ въ плѣнъ; масса убитыхъ мѣшала орудіямъ войти въ городъ, и мы принуждены были долго ожидать, пока очищались улицы.

Въ восемь часовъ вечера мы расположились передъ Смоленскомъ, ожидая колонну маршала Нея. Около 6-ти часовъ утра 6-го числа войска его показались на Смоленской дорогѣ.

Гренандеры всѣхъ 6-ти полковъ высланы были въ стрѣлки и заняли крутой, длинный оврагъ, идущій вдоль дороги; по сю сторону оврага, на возвышеніяхъ, расположилась наша артиллерія. Баталіоны укрылись передъ самымъ оврагомъ, за отлогостью высоты.

Едва непріятельская колонна приблизилась, какъ батарейная рота открыла огонь изъ всѣхъ орудій, пѣхотные стрѣлки били съ боковъ, а казаки и гусары, заѣхавъ въ тылъ, произвели страшное опустошеніе. Французы видѣли неизбежную свою гибель, но бросились отчаянно.

Лейбъ - гренандерскаго полка поручикъ Поричковъ, снявъ съ себя шипель и сюртукъ, оставшись только въ шерстяной жилеткѣ, взялъ отъ уральскаго унтеръ-офицера ружье и сумку, бросился съ охотниками гренандерскихъ полковъ въ оврагъ; онъ подкрѣпилъ такимъ образомъ ранѣ высланныхъ и дрался врукопашную; мы съ братомъ Василюмъ надѣли на передки и подѣхали къ окраинѣ оврага; прапорщикъ Ильяшенко, роты подполковника Семенова, замѣтивъ наше положеніе, отдѣлился отъ своей части и присоединился къ намъ.

Мы били по орудіямъ непріятеля, старавшагося хоть сколько-

нибудь ослабить губительное дѣйствіе нашей артиллеріи; мы удачно подбили три орудія и взорвали непріятельскій ящикъ, въ то же время стрѣляя по колоннѣ, старавшейся прорваться къ Красному.

Непріятель массами устремился въ оврагъ. Милорадовичъ, замѣтивъ это, поставилъ конной роты два орудія на высотѣ, которыя картечью анфилировали вдоль оврага, нанося ужасъ и опустошеніе. Непрianteлемъ непрерывно высылались свѣжія подкрѣпленія, но они лишь трупами своими наполняли оврагъ; по нимъ переходили подошедшія новыя части и напрасно бросались на наши орудія.

Не вида прикрытія, французы рѣшили взять нашу батарею, состоявшую тогда изъ девяти орудій; попытка оказалась неудачной.

Былъ моментъ, когда непріятельскій штабъ-офицеръ, перейдя оврагъ, уже бросился на прапорщика Ефремова, стоявшаго возлѣ орудій, но въ ту же минуту подошелъ Павловскій полкъ и штыками отразилъ врага.

Не видя успѣха, противникъ сталъ пробиваться всею своею массою на дорогу.

Подъ командою своего полковника, Павловскіе гренaдeры обезсмертили себя многими подвигами; безъ страха бросались они на непріятеля въ штыки, залпами встрѣчавшаго ихъ; у оврага пало отъ залпа около 95 рядовыхъ, съ храбрымъ своимъ капитаномъ Барыбиномъ; это еще болѣе ожесточило Павловцевъ, и они шли въ Рукопашный бой, били прикладами, эфесами и кулаками...

Въ такомъ положеніи мы не могли дѣйствовать орудіями и оставались свидѣтелями ужасныхъ сценъ на самомъ близкомъ разстояніи.

Екатеринославскій, потомъ Таврическій и С.-Петербургскіе полки штыками опрокидывали непріятеля, который пришелъ въ такое замѣшательство, что побросалъ свои ружья и ранцы.

Генералы ихъ напрасно подавали разительные примѣры храбрости.

Одинъ изъ нихъ изрубилъ около себя трехъ нашихъ гренaдeръ, хотѣвшихъ взять его въ плѣнъ живымъ; только раненаго штыками взяли его и привели къ графу Строганову; онъ былъ уже сѣдъ и имѣлъ, повидимому, болѣе 60-ти лѣтъ; съ него сняли нагольный полушубокъ и разостлавъ посадили на немъ; предчувствуя свою послѣднюю минуту, онъ вынулъ часы и отдалъ Павловскаго полка солдату Домбровскому, который снималъ его съ лошади, потомъ взглянулъ вверхъ, сложилъ руки и умеръ... Почтенный старецъ! Кто видѣлъ прекрасную твою кончину? Враги твои. Соотечественники твои не донесутъ вѣсти домой, какъ ты умеръ съ оружіемъ въ рукахъ. Напрасно, думалось мнѣ, будутъ ожидать твоего воз-

вращенія дѣти и внуки... будутъ ли они знать геройскій конецъ твоей жизни?!

Въ началѣ ноября стало сильно морозить, люди и лошади падали массаами, видны были цѣлыя вереницы отсталыхъ, кучки замерзавшихъ. Казаки Орлова, Давыдова и Сеславина взяли въ плѣнъ бригаду Ожеро. У принца Евгенія была отбита вся артиллерія. Весь путь непріятеля устланъ былъ брошеннымъ награбленнымъ добромъ. Только въ бѣгствѣ оставалось спасеніе... исчезло различіе въ чинахъ и не было повиновенія; войско обратилось въ голодную толпу оборванцевъ. Но вотъ остатки грозной арміи вошли вторично въ Смоленскъ и вмѣсто ожидаемыхъ жизненныхъ припасовъ тамъ нашли запустѣніе и тотъ же голодъ.

Подъ конецъ ноября Мюратъ сталъ во главѣ французской арміи, такъ какъ Наполеонъ уѣхалъ въ Парижъ; безъ него войска бѣжали въ полномъ разстройствѣ и гибли тысячами.

Два послѣднія сраженія рѣшили участь Россіи и, какъ можно видѣть изъ послѣдствій военныхъ дѣйствій 1812, 1813 и 1814 г., участь всей Европы. Россія! Слава сынамъ твоимъ: они своею грудью уничтожили непріятельскую полумилліонную армію. Нашими вѣрными союзниками была Вѣра и преданность Царю и Отечеству!

Въ 1813 году, пройдя Вильно, мы неожиданно получили приказаніе воротиться въ этотъ городъ.

Послѣ того, какъ прошли отступавшія французскія войска, Вильна была страшно грязна, по улицамъ валялись тысячи труповъ и больныхъ.

За городомъ, отъ гололедицы, погибла французская артиллерія, ящики съ деньгами и обозъ императора. Ихъ солдаты грабили, что только могли. Наши войска преслѣдовали врага за границу, въ Вильнѣ остались лишь наиболѣе пострадавшія части.

Мнѣ пришлось стать въ окрестностяхъ города, въ пустынномъ мѣстѣ, на меня легла обязанность еще и фуражировать. Удалось отыскать богатый приходъ и при немъ ксендза. На основаніи приказа по арміи, мы брали въ приходѣ, что намъ нужно было для продовольствія, и я даже помогалъ другимъ частямъ роты. Офицеры наши, вслѣдствіе жестокой зимы, трудовъ и нужды, почти всѣ за-немогли. Изъ шестерыхъ осталось насъ двое. Скоро намъ приказали привести роту въ Вильно, гдѣ сдать всѣхъ наличныхъ людей и лошадей, для сформированія другой роты. Сначала я призадумался, какъ быть безъ денегъ, безъ платья, въ большомъ городѣ... Чѣмъ мы себя будемъ содержать? Какъ покажемся въ люди безъ сапоговъ, безъ платья?.. Солдатскій плащъ согрѣвалъ и украшалъ

наши закопѣлыя отъ бивуачнаго огня лица... Но оказалось, что мы съ товарищемъ были сыты и веселы, передъ нами были вездѣ открыты двери. Чего же больше для насъ! Наконецъ надо было проститься со стариками, отслужившими со мною кампанію; досадно и обидно было сдавать ихъ въ 18-ю бригаду... Я не могъ съ сухими глазами разставаться съ тѣми, которые были со мною у орудій и дѣлили равную участь. Всѣ они были растроганы и обнимали меня на прощанье; солдатъ, стоявшій у моего орудія цѣлый годъ, по имени Гавриловъ, совершившій еще Итальянскій походъ, взялъ меня за руку и обнимая заплакалъ... Боже! Внуши каждому молодому офицеру то, чѣмъ пріобрѣтается любовь этихъ истинно усердныхъ, честныхъ и добрыхъ людей, прожившихъ почти всю жизнь свою въ дѣлахъ противъ враговъ отечества...

15-го мая 1813 года стали формировать новую роту, и я имѣлъ непрерывныя порученія по обученію рекрутъ, пріемкѣ лошадей и аммуниціи.

Неожиданно получаю я предписаніе явиться къ полковнику Васильеву, который приказываетъ мнѣ отправиться въ г. Вологду, для принятія 160-ти лошадей.

Черезъ два часа, вмѣстѣ съ подпоручикомъ Лазаревымъ, пустился я въ путь; до Москвы намъ была одна дорога.

Суханинъ.

